

ПРОБУЖДЕНИЕ

Кто-то из литературных критиков опубликовал, помнится, статью, в которой рассказывал о том, какими болезнями страдали герои литературных произведений прошлого века и какими — сегодня. Оказалось, тогда в основном превалировал один диагноз — туберкулез, или, как называл его простолюдин, чахотка. Нынче положение изменилось. Герои в основном болеют инфарктом и раком. Критик доказывал, что даже по одному этому признаку можно судить о времени, о переменах. В той же статье он писал о том, как в прошлом герои повестей и романов общались в основном при помощи записок, пользуясь услугами нарочных. А нынче — телефон, телеграф.

Статья мне запомнилась. И теперь я все чаще и чаще вспоминаю о ней, потому что в последнее время сам стал обнаруживать, как чуть ли не в каждом моем рассказе кто-то болеет инфарктом, причем зачастую умирает с телефонной трубкой в руках. Боюсь, скоро подобная схема станет не только банальной, но и своеобразным литературным криминалом. Однако никуда, как говорится, от жизни по уйдешь. И этот рассказ я вынужден начать с телефонного разговора, ибо и в жизни все начиналось именно так. Я уже давно убедился в одной истине: если хочешь, чтобы тебе поверил читатель, ничего не выдумывай. Рассказывай, как было. Рассказывай, но не смакуй, не злобствуй. Рассказывай и сам сопереживай. И я хочу поведать читателю эту историю, потому что сам, узнав о ней, не только переживал, но и сопереживал.

Телефонную трубку я поднял в тот самый миг, когда у меня было плохое настроение. Теперь уже не помню о причине. Да это и не важно. Все мы люди, все человеки. Тот, кто звонит, никогда ведь не думает о том, какое у тебя там настроение, и вообще, может, ты голый, весь в мыле выскочил из ванной, бросился к аппарату: вдруг что-то очень и очень важное? Надо, конечно, признаться, что редко когда бывает что-нибудь «очень-очень важное». Так просто звонят. Со своими делами

управился, уселся в кресло, закурил и решил набрать твой номер. А человек не задумывается, что в это время ты свои дела вовсе еще не сделал, не в кресле сидишь и не пускаешь дым в потолок. Так что, возможно, мое настроение было плохим как раз из-за телефонных звонков, которые стали неким злом. Правда, и без телефона нельзя. Но я хотел рассказать не о «парадоксе века», как часто называют телефон и телевизор — безжалостных пожирателей времени и редко возмещающих его чем-то интересным.

Учитывая, что настроение у меня было неважное, я не очень был ласков с тем, кто находился на другом конце провода. Звонила женщина. Она сказала, что нам необходимо встретиться: хочет рассказать мне свою историю. Я взбесился. Ну, почему люди думают, что можно ни с того ни с сего встретиться с незнакомым человеком и рассказать свою историю, свою, как многие выражаются, «очень богатую биографию».

Разумеется, обо всем этом я по телефону не говорю людям. Я играю, как это мы делаем с утра до вечера, в интеллигентного человека. Надо ведь сдерживать себя. А зло можно выплеснуть на родных и близких. На жену и детей. Они ведь родные. Все поймут. Простят. С чужими нельзя. Они ведь чужие. Могут не простить. И ты тогда будешь переживать сам.

Я сказал по телефону, что для встречи нет времени. И добавил: «Если можно, скажите в двух словах по телефону». Я так часто говорю. В самом деле, вдруг, как говорится, ошиблись адресом. Ведь не с каждой историей нужно обращаться к писателю. Женщина ответила, что это не телефонный разговор. Между прочим, так часто говорят. Только вот я не совсем понимаю: если уж позвонили, то почему не говорить по телефону?

Всегда важно узнать, о чем пойдет разговор. Некоторые обижаются. Один мужчина даже со злостью сказал: «Считайте, что с сегодняшнего дня у вас на одного читателя будет меньше». Обидно, конечно. Я не хочу терять читателей. Даже одного не хочу терять. И не надо, чтобы величайшее изобретение — телефон — становилось причиной разобщения. У него совсем иная функция — связать людей, сблизить. Это не он, а мы виноваты, что порой разобщаемся.

Вот и теперь: женщина не хочет говорить по телефону, она желает высказаться только при встрече. А у меня нет времени. Что делать? Я попросил, чтобы она написала о том, что хочет рассказать. Я часто предлагаю людям писать. И, думаю, поступаю правильно. То, о чем иной посетитель рассказывает в тече-

ние нескольких часов, легко можно изложить на двух-трех страницах ученической тетради. Потому что, когда пишешь, мысли концентрируются и на бумагу переносятся только главное, самое важное.

К счастью, на этот раз мне не сказали, что я лишился еще одного читателя. Просто согласились. Мало того, даже добавили на прощание: «А вы, пожалуй, правы. Я напишу обо всем этом. Вы только дайте ваш адрес».

Я дал адрес. И вскоре пришло письмо. Оно действительно было написано на листках из ученической тетради. Дело в том, что в письме, как это и водится, не было никакого такого острого сюжета, и сразу ухватить главное в нем было невозможно. Оно ни о чем и одновременно обо всем. В нем была боль...

«...Да, пожалуй, Вы действительно правы. Как я раньше сама не додумалась. Писать. Конечно, писать. Вы были со мной сухи по телефону. Но я Вам прощаю это. В последнее время мы почему-то разучились прощать друг друга. В жизни теперь редко когда услышишь «простите меня», «извините меня». Я уже не говорю о том, что те, которые могут во весь голос сказать: «Я был виноват, а вы были правы», встречаются только в книгах и кино. Я Вам признательна за совет. Мне куда легче писать. И куда было бы труднее обо всем рассказать по порядку. Кстати, я уже как-то пыталась рассказать мою историю одному взрослому человеку, близкому родственнику. Он погладил меня по головке и сказал: «Глупенькая. Ничего ты еще не знаешь. Жизнь — штука суровая. Не надо все так близко принимать к сердцу. Времена Жанны д'Арк прошли».

Он так и сказал: «прошли». И стал мне чужим человеком. Но теперь я спокойна. Узнав о моей истории, Вы не сможете, как это сделал он, высокомерно усмехаясь, погладить меня по головке и ответить как человек, о котором говорят «умудренный жизненным опытом». Я пишу. И в этом есть преимущество: могу быть искренней до конца, не боясь, что перебьете, не боясь, что посчитаете меня наивной девочкой, которой надо было родиться во времена Жанны д'Арк.

Я счастлива, что родилась не столетие назад, а в день полета Юрия Гагарина. И знаете, почему-то горжусь этим. Между прочим, у нас дома настоящий культ Гагарина. Портреты, марки, книги, журналы. Все и вся, что имеет отношение к Юрию Алексеевичу, есть у нас дома. Это не моя заслуга — папы, который стал коллекционером в день моего рождения. И я уже привыкла к этому милому культу. И сама стала тоже собирать ма-

териалы о первом космонавте. Я многому научилась у Гагарина. Нет, я не мечтаю о полете в космос. Я не слишком наивный человек. И даже не романтик. Я — девушка, и мне скоро будет девятнадцать. Вот кто я такая. И у меня есть любимый. Хороший парень и хороший человек. Есть у меня родители: отец и мать. Есть брат и сестра: оба моложе меня. По всем канонам — мы счастливая семья. Отец занимает довольно высокую должность. У него персональная машина, имеет несколько орденов и других правительственных наград. Сама я, как и мои брат и сестра, росла в счастливой обстановке. С шести лет пошла в школу. Много, очень много читала. И сейчас неразлучна с книгой. После окончания школы я не смогла поступить в институт. Лучше бы и не пробовала. В тот августовский жаркий день я поняла, что не просто кончилось детство, а началась жизнь, к которой нас никто не готовил. Я своими глазами (и не только я одна) видела, как преподаватель явно помогал одному абитуриенту. И мы были свидетелями, как тот же преподаватель после экзаменов нагло заявил родителям: «Пожалуйста, жалуйтесь. Сейчас тот, кто жалуется, считается психом».

Итак, я не поступила, и многое в моей жизни изменилось. Словно попала в другой мир, проснулась от долгого сна, именуемого детством. У меня вдруг оказалось слишком много свободного времени. Папа твердо решил, что больше ни в какие институты я не пойду. Что это даже глупо: принимать участие в конкурсе, где не соблюдаются правила игры. Он сказал, что лучший университет — готовить себя к замужеству. В конце концов, счастье находят не в дипломе, а в нормальной семейной жизни.

Я с радостью помогала маме: готовила еду, шила, стирала. Никакая работа не была мне в тягость. Может быть, потому, что у меня был жених и мы любили друг друга. Надо только, как говорили мы сами, соблюдать небольшую формальность: ждать. Я должна дожидаться своих законных для брака восемнадцати лет, а он — окончания службы в армии. Я каждый день писала ему письма. Меня считали законной невестой, и все же для родителей я оставалась ребенком. Они, когда говорили друг с другом, когда беседовали с гостями, словно не замечали нас, детей. Пробудившись от детства, попав в другой мир, я сделала неожиданно для себя открытие: мои родители, да и все взрослые, которые живут в этом новом, «недетском» мире, — люди, сотканые из несчастий, драм, трагедий. Я прислушивалась к их разговорам и ужасалась. День начинался и кончался

тяжелыми, грустными, минорными разговорами. Бывало, приходили к нам гости: день превращался в мытарства. Всю предыдущую неделю родители и мы, дети, готовили, недосыпали, стараясь сделать этот день радостным, праздничным. И вдруг за столом одни только грустные разговоры. Сплошные жалобы. Поносили то одного, то другого. Идеальными были лишь присутствующие за столом.

Дома всего достаточно. Я не помню, чтобы сама болела или чтобы болели мои брат и сестра. И вдруг оказывается — мы несчастны!

Я, как уже писала, каждый день отправляла жениху по письму. Иногда — по два. Я каждый день приходила в парк Победы — наш дом рядом, садилась на свою любимую скамейку и мечтала. Ждала своего любимого. Потом вдруг жизнь моя наполнилась особым смыслом: ежедневно в парк приходили рабочие и начинали бесшумно работать. Хотя они имели дело с камнями, но мне так и запомнилось на всю жизнь, что трудились они бесшумно. Строили, именно строили, из красного туфа памятник — пять рук. Эти руки создавались на моих глазах, и я полюбила их. Писала о них каждый день своему жениху. Руки росли словно из земли, все вокруг оживало, приобретало смысл. Потом я узнала, что автор скульптуры был молодым человеком. Совсем молодым. Он работал над «руками» и мечтал, страстно мечтал увидеть готовый памятник. Но случилась трагедия: скульптор погиб в автомобильной катастрофе. Его уже нет. Но остались на этой земле, на моей земле созданные им каменные руки, олицетворяющие борьбу и мужество.

В день открытия памятника в парке собралось множество людей. Было очень торжественно. Я увидела одинокую женщину, молчаливо глядевшую на красные камни, красные руки. Оказалось, это мать скульптора. Я подошла к ней, наклонилась к ее рукам, поцеловала их и убежала. Вечером я опять пришла в парк и, как всегда, расположилась на любимой скамейке. Все думала о той женщине, о матери. Вскоре рядом уселась взрослые дяди. И я вновь проснулась. Я, можно сказать, каждый день пробуждалась ото сна. То попадала в счастливую пору детства — например, когда увидела ту женщину, мать, то, проснувшись, оказывалась в реальном мире, где взрослые с утра до вечера изливают друг другу свое недовольство.

В последнем письме мой жених написал, что хочет сделать своим родителям сюрприз. Он решил не сообщать им о своем приезде. Так многие делают. Знала только я. И конечно, не

проболталась. Поехала вместе с подругой встречать его в аэропорт. Все было так хорошо! Все было хорошо в момент ожидания. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди, когда услышала, что самолет приземлился. Осязаемое ощущение праздника...

Но праздник был омрачен. Неожиданно целая стая взрослых, небритых и неряшливых, будто сговорившись, бросилась к моему жениху, одетому в ладную военную форму. Они словно хотели его разорвать на части. Я вначале даже перепугалась. Думала, бандиты какие. Оказалось, таксисты. Они чуть не подрались друг с другом. Не стесняясь нас, девушек, ругались матом. Каждый хотел сам отвезти демобилизованного солдата — с тем чтобы заполучить от родителей магарыч. Они, таксисты, и впрямь под конец подрались. И мой праздник был испорчен.

Подкатив к дому, небритый, неряшливый, нагловатый тип норовил пройти первым, чтобы сообщить родителям о новости. Он напоминал жалкого нищего. И этот жалкий нищий отхватил пятьдесят рублей. Вначале дали ему двадцатипятирублевку, но он без всякого стеснения процедил: «За такого парня, хозяйюшка, маловато — четвертак. Привез вам сына целехоньким. Удвоить бы таксу».

Все взбудоражены: обнимают сына, кричат, смеются, плачут. Соседи собрались: вдруг несчастье какое? И тут же этот тип попрошайничает. Отец моего жениха стал вытаскивать из разных карманов и считать трешки, рублевки. Не хватило. Кто-то из соседей добавил. И я приуныла. Мне бы не обратить внимания на это. Невеста как-никак. Но куда там. Я знала из книг о многих наших обычаях, в том числе и о магарыче. Но ведь и традицию опошлили. А потом за наспех собранным столом кто-то вспомнил про таксиста. И с возмущением говорили о стяжателях. И тут я поняла, что взрослые с утра до вечера говорят на грустные темы потому, что накануне на их пути встретился какой-нибудь один мерзавец. И этот мерзавец, оказываясь, сумел затмить все то прекрасное, что было сделано, увидено, но осталось незаметным.

В первый же вечер я привела моего жениха в мой парк. И сказала ему, что это «наш парк». Мы стали ходить сюда каждый день. Нам было хорошо рядом с добрыми мужественными «руками».

Но как-то я обратила внимание, что ни парк, ни шелест деревьев, ни добрые и мужественные «руки» ничуть не навевают приятных мыслей. Даже в тихий вечер мы почему-то говорили

о грустном. Я рассказывала моему жениху о том, как накануне вызвали «скорую помощь» к отцу. Сердце.

Жених слушал меня, а потом при лунном свете и шелесте листьев рассказал о том, как вот уже целый месяц он никак не может получить паспорт. То такого-то работника нет, то ему говорят, надо сначала туда-то. А там говорят наоборот.

Он рассказывает, и мне становится больно. И за отца больно, и за моего жениха. Я злюсь и думаю: вернулся парень из армии, почему бы взрослым дядям не вызвать его, не поцеловать по-отечески, не поблагодарить за службу и в течение пяти — десяти минут не оформить все необходимые документы?

Время от времени мы с ним все-таки возвращались в свой мир, мир детства. Нам было хорошо. Мы играли во взрослых. В жениха и невесту, и просыпались ото сна, вспомнив о свадьбе. Я так часто в детстве мечтала о свадьбе, о фате. Тайком от мамы надевала ее наряды — хотела быть взрослой. А теперь боюсь свадьбы. Родители и сами замучаются, и нас замучают. А веселья не будет.

В книгах читала, как веселились наши предки. Они всегда считали своих детей святыми и все делали, лишь бы малыши были счастливы. Но зачем нужно это самое счастье в детстве, если в один прекрасный день ты проснешься и увидишь мир не в розовом цвете? Кто же должен думать о нас, девушках? Мы уже не дети. Но мы еще и не взрослые. Мы — будущие матери, а в старину, я это знаю из нашей истории, вокруг тех, кто собирается стать матерью, люди творили радость. Творили радость, даже когда вокруг них царил мгла. А сейчас ведь за нашими окнами — яркий свет.

Так распахните же окна...»